Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Мотель Бейтсов. Часть 8

Вера.
Котята сначала попискивали, а теперь сбившись в кучку, спят. Надеюсь, что литра молока хватит, пока доедем домой.
Через пять часов проехали Тюмень, не останавливаясь у придорожных кафе. Мамочка оказывается всю ночь не спала. Даже пирожков с рубленой печенью и луком напекла. Подтвердила моё предположение, что ночью она дважды оставляла заметки в папке «Эротика» на главном диске памяти Даниила.
Свои вопросы я задавала кратко — я его стала бояться. Своего голоса. Если раньше мечтала избавиться от колокольчиков, как их называет Пашенька, то полученный хрип не радует. Котята проснулись, начали искать в коробке место где пописсать-покакать. Мне тоже захотелось.
— Папочка, я пипи хочу. Останови.
Кругом сплошной лес. Сойти с насыпи в таком неудобном месте не реально. Через сотню метров какой-то толи съезд с дороги, толи выравненный бульдозерами взгорок. Выпрыгиваю первой и принимаю от мамы коробку с кисками. Выпускаю их на травку. Вместе с мамой идём к лесу, поручив папе следить за котятами. Присев за первым же деревом наслаждаемся естественным процессом. Комары здесь такие огромные, что могут унести в своё гнездо и там доесть.
И писк их такой же громкий. Как вой собаки. Или это действительно кто-то воет. Волки! Вот уж кто не будет церемониться утаскивать в логово — здесь съест.
— Мам, где-то волк воет.
— Слышу. — Согласилась мама. — Но это волчонок. Ты послушай, как жалобно то скулит. Коля! — Окликнула мама папу. — Котеек в коробку, возьми монтировку и иди сюда.
Папа прибежал быстро.
— Слышишь? — Мама замолчала, давая папе прислушаться. — Где-то волчонок воет. Пойдёмте поищем.
— А волчица? И комары, ёб их мать!
— Да, комары зажрали совсем. За письку парочка укусила. Чешется. — Я, не стыдясь родителей, чешу промежность.
— Пойдём в машину, намажемся гадостью от комаров. Может и письку почешем! — Добавил он хитро.
— Не балуй! — Мама погладила щетину папе.
В машине мы обмазались «Антимоскитином». По совету папы, я надела джинсы, маме пришлось натягивать на свои полные бёдра папины запасные штаны. Курточка моя опять пригодилась.
И вот мы идём в лес. У папы в руках монтировка, у мамы кривой баллонный ключ. Идём на скулёж. Метров через пятьдесят натыкаемся на мёртвую волчицу. Она попала задней лапой в капкан, видимо пыталась перегрызть её, но кровь, хлынувшая из раны, излилась полностью. Волчонок, наверное, месячный, начал шипеть, огрызаться, когда мы направились к нему. Он забился под кучу наваленных веток. Папа откидывает одну, другую...
Под ветками стоит, спрятанный от глаз какое-то устройство. Волчонок прижался к колесу

механизма, попытался куснуть папину руку, но укусил всего лишь перчатку. Папа завернул его в свою робу, отдал мне.

Раскидав завал, поняли какой аппарат стоит тут.

— Где-то хозяин. — Говорю.

— Пару лет уже здесь находится квадрацикл. Не заметила разве что навал не свежий? Вот даже деревце сквозь раму проросло. Что-то стало с хозяином. Скорее всего с охотником. Попробую завести.

Папа где-то поковырялся, пощёлкал. Не сразу, но стартёр ожил, попытался раскрутить двигатель. Сдох.

— Нужно наш аккумулятор сюда притащить.

— Зачем? Поехали уже. — Говорю им.

— Ты чего? Это замечательная вещь. В хозяйстве будет бесценна.

— Кто на нём поедет? Мама? Я, как ты знаешь, не умею.

— В фуру завезём. Не боись, доча, всё будет окей.

И началось. Замечание папы разбудило во мне деловитость. Я помогала ему достать аккумулятор Вольво. Тяжеленный зараза! Мы, напоминая папе о спине, помогали чем могли. Волчонок, высунув мордочку из рукава куртки, опять скулил. Нам пока не до тебя, милый.

По пустынной трассе автомобильное движение к вечеру исходит на нет. Но водитель первой же проезжавшей фуры, остановился. Поприветствовав, спросил нужна ли помощь. Папа взглянул на маму, та на меня. Я отпасовала папе.

— Да в лесу квадрацикл нашли. Аккумулятор на нём сдох. Наверное, года два-три стоял без зарядки. Помоги дотащить мой дотуда.

Егор, как назвался крепкий парень, помог нам перенести тяжесть к агрегату. Папа подключил и сразу же завёл его. Окончательно освободив машину от веток, выехал на дорогу.

Брусья для дома использовали как трап, по которому папа въехал в кузов. Мы поблагодарили Егора, который поздравил с удачной находкой, пригласили останавливаться в нашем мотеле, если он будет проездом.

Посмотрев карту, я сказала, что дальше мало населённых пунктов, а ехать в ночь, не желательно, так как наличие на трассе мотеля мало вероятно, а папе нужно лечь нормально. Как, впрочем, и нам с мамой. Предложила вернуться к Тюмени, там снять номер и отдохнуть. Кое-как папа развернул длинномер. Мы с мамой в это время на обочине поили волчонка молоком из блюдца. Вот ещё одна задача — корм для животных.

До мотеля добрались к началу сумерек. Нам достался один номер на троих, потому что остальные были заняты. Администратор пообещал предоставить раскладушку.

Пока я разведывала где тут кафе и стоит ли в него идти, купила молока для зверят, папа уже покупался, теперь в душе плескалась мамочка. Я, не стесняясь папы, разделась и пошла к любовнице. Поцеловав меня, мама сказала, что пошалит со мной позже. Но я всё-таки умудрилась добыть несколько капель соков мамочки.

Потом обнажённая мама вправляла диск на позвоночнике папы. Я отвлеклась от них — кормила хозяйство. Волчонок уже не шарахался, не скулил, лакал молоко быстро — изголодался бедненький. Котята опять уснули, наигравшись в коробке.

А на кровати мама заправляла... член во влагалище. Начав без меня играть, родители обидели меня. Я демонстративно оделась, сказав, что иду занимать места и заказывать еду, отправилась в кафе.

Потому как они быстро пришли, я рассудила, что папа быстро кончил — пять дней воздержания сказались на качестве. Но мамочка знала, что получит своё позже, поэтому была весела.

В кафе мы с мамой начали добывать информацию о устройстве и функционировании заведения общепита. Народу в кафе было много, все столики заняты. У стойки сидели четверо мужчин, пили пиво, общались. За столиками в основном тоже пили пиво или водку. Но и пищу заказывали. Я прошла, глянула на помещение куда официантка сносила грязную посуду. Два глубоких чана с водой. И текущая из крана вода для ополаскивания — вот и всё устройство посудомоечной.

Кухня находилась за стойкой, туда я пройти не смогла. Но иногда, откидывающаяся занавеска из пластика, открывала вид кухни. Газовая плита, стол для разделки продуктов. Разведала и систему отопления — в углу стоит газовый обогреватель, к нему подведены трубы.

Вернувшись к родителям, обнаружила что бутылку красного вина, которую мы начали пить втроём, они допили. Мамочка раскраснелась, придвигая лицо к папе, сидящему напротив, что-то шептала. Иногда удостаивала его поцелуя. Со стороны посмотреть, обычная семейная пара, зашедшая в кафе, отдохнуть от суеты дня. Я доложила о разведке.

— Надо бы с хозяевами поговорить, но в такой суете вряд ли кто ответит нам. — Сказала мамочка. — Вина ещё хочешь?

— Я, когда пьяная — дурная, показываю приличным мужчинам свою щёлочку. А здесь вряд ли найдётся приличный мужчина, по достоинству оценивающий прелесть моего межножья. Папочка, как она смотрелась со стороны? Сильно возбудительно?

— Возбудительно. Даже очень. Но в тот момент я подумал о том, что видит Даниил. У него кажется даже альбом приподнялся. Но незнакомая прелесть вашей подружки мне понравилась больше. Ай, как Верочка каталась по полу, раскрывала писечку. Вот тогда и у меня... домкрат поднялся. Ха-ха-ха.

Ой, зря он так сказал. У меня выстроился ряд ассоциаций — прохлада вечернего воздуха, охлаждавшая мою девочку в первый вечер в беседке — прохладные половые губы Верочки — её горячий язычок, согревающий мою девочку — и он. Тот у которого домкрат поднялся. Удовлетворюсь ли я одним актом с тобой, папенька? Возможно нужно будет вспомнить количество ваших, с Никой, соитий, чтобы уравновешать наши с тобой. Позвонить сейчас Паше? Выпросить у него позволения? Всего один раз... — Что задумалась, доченька? — Мама обнимает меня за плечо как мама, а не как любовница — за талию и попочку.

— Вспоминаю... где колокольчики рассыпала в тот вечер. Думала, что папочка заметил их, а он на Верину девочку поглядывал.

— Пока ты смеялась, я не заметил никаких россыпей...

— Девушка, можно вас угостить вином? — Подвыпивший молодой мужчина прерывает нашу беседу.

— Ваше прямое предложение совокупиться с вами, молодой человек, крайне неуместно — я с мужем. — С издёвкой пытается отшить его мама.

— А я не к вам обращаюсь. Ик! — Мужчина посмотрел в мои ангельские глазки, и услышал ответ:

— А я свою... девочку не на помойке нашла, чтобы совокупляться с первым, кто хочет напоить меня местным пойлом. — В кафешке, вместе со смогом кухни и алкогольного амбре, витал

демон сквернословия, едва не вынудивший мне назвать свою прелесть грубым словом.
Но надоеда видимо не понял, что в моей тираде не ВИНО главное. А моя прелесть, которую я берегу только для очень любимых мною мужчин и женщин.
— Давайте я вам Мартини возьму!
— Парень, ну тебе же ясно сказали — пиздуй отсюда. — Решил поставить точку папа.
— Не вякай, не с тобой базарю.
— А как галантно начинал — девушка, вино. Быдло ты и есть быдло. — Встала в полный рост мама. — Ну-ка на хуй свалил, пока я тебя самого не отъебала, чмо подорожное.
Вот это голос. Даже у меня сфинктер расслабился, едва не обкакалась. И это, чмо которое, прорвало — умные люди это называют словесным поносом. Голос стал писклявым (не мои ли он колокольчики насобирал?) слюна брызжет. Его то и услышал владелец заведения. Тихонько оттеснил от стола, потом к выходу.
— Извините, пожалуйста. — Пожилой кавказец искренне просил прощения, прижав руку к сердцу. — Не всегда, но бывают случаи. Сами понимаете, мужчины далеко от дома, хотят любви.
— Мы вас понимаем. И простим... если вы поделитесь опытом, связанным с придорожным кафе. — Во-о-от. Мой любимый тембр.
— Что вас интересует? Для чего?
— Мы владельцы мотеля в Пермском крае. Хотим ещё кормить постояльцев. Стоит ли нам вкладываться в такой проект? Доход от чего? Алкоголь?
— Увы, милые, увы. Мотель — это больше убытков... Да! На восемьдесят процентов от зелёного змия зависит прибыль. А к нему кто закажет дорогое блюдо? Меня, кстати, зовут Шота Вашакидзе.
— Я Николай. Мои — супруга Зинаида и дочь Вера. — Папа что-то учуял. Расставил дорожные знаки — дотуда можно, дальше проезд запрещён.
— Не часто у меня останавливаются приличные люди. Как хозяин — требую от вас, милые люди, посетить мой дом. Мы с супругой живём рядом. Две минуты ходьбы. Прошу. — Шота показал двумя руками направление в сторону двери.
— Это крайне любезно с вашей стороны, пригласить нас...
— Бросьте! Мы здесь, в отдалении от города, скучаем без хорошей компании, с которой можно разделить радость общения, как культурные люди.
— Разве что на час, полтора. Мы с утра пораньше хотим продолжить путешествие домой. — Папа опять расставил барьеры. ВременнЫе.
Я начала просить у проведения, чтобы вечер продлился всего лишь два часа, чтобы не было дочки или (не дай Бог) сына, которые могут вмешаться в мою жизнь, затмить Верочку.посеребрённых линий. А мне казалось, что это золото. А это серебро окрасилось в золото лучами Солнца.
— Видимо потому что ты безразличен к золоту, мы не удостоились своего золотца — доченьку.
— Ты моё золотце. — Шота чмокает Галину в шею.
— Я так поняла, вы прекратили пытаться зачать дочку, которую страстно желает Галина?
— Я тоже, очень, очень страстно хочу лапочку. Но и Галине нужно поделиться с кем-нибудь женскими тайнами, которые нормальные матери не могут обсудить с сыновьями.
Моя лапочка покраснела. Да, мамочка, не все люди воспринимают инцест как отношения

любимых родственников меж собой. Это опять мораль? Или... ? Или... ? Может Шота сталкивался в прошлом с подобным и поэтому выделил «нормальные» ударением? Возможно он опасается такой связи меж супругой и одним из сыновей в будущем, когда окончательно состарится, а молодая, ведь ей по виду не больше тридцати пяти лет, супруга неудовлетворённая простыми чмоканиями и пожеланиями спокойной ночи мужа, встанет и направит ступни в спальную комнату сына... ? Поэтому он внушает ей своё виденье семейного уклада. Вот отрицательная сторона неравного брака, особенно когда супруг много старше жены. Возможно лучше было бы если супруга старше мужа на пять-восемь лет.

— Ты опять, задумалась.

— Нет, я не вмешиваюсь в беседу... взрослых людей. Да, я подтверждаю, что в Гнезде за последний век рождались только девочки. И поддерживаю мамино приглашение посетить наш дом именно для зачатия девочки. У нас там всё просто. Старообрядческая изба, с баней за домом, с нужником. Но энергетика этого такова, что обретаешь покой и уверенность в правильном течении твоей жизни. А вот если я захочу родить сына, а я этого уже хочу, то напрошусь с мужем к вам в гости. Уверена, что такая понятливая женщина как Галина допустит половой акт посторонних людей в своём гнезде.

Алазани, это твоё действие? Я даже не покраснела от сказанного.

— А что? Секс-тур для любящих пар, желающих достичь своей мечты, не плохая мысль. Браво, Верочка. — Галина как-то по-особенному взглянула на меня.

Сколько я смогу заплести бантиков в твою шевелюру межножья, Галочка? Любишь ли ты женские ласки? Как полюбила я после общения с мамой и... Верочкой. Верочка, я уже скучаю по тебе. Любимая, почему ты не была девственницей? Я бы ласкала твою плеву язычком, пыталась влезть губами в щёлочку, поцеловать нежность.

Однако прозвучавший тег «секс», не добавил интимности в разговорах собеседников. Но прозвучало:

— Не хотите ли переночевать у нас? На нормальной постели, в тишине от дороги и пьяных соседей? — Гостеприимный кавказец озвучил своё предложение взглянув на супругу.

— Да. Соглашайтесь. Посидим, поговорим ещё. Откровенно говоря, я скучаю. Вспоминаются суматошные дни начала нашего бизнеса. С вечера тесто поставить, ночью встать примять его. Утром пирожки напечь. Шота их к полудню распродаст и по новой круговерть. Плакала тогда — устала, надоело всё. А сейчас от безделья мучаюсь.

— Мы ведь не одни. У нас ещё детки с собой. Волчонок и котята. Пустите их на постой? — Спросила я.

— Да, конечно, пустим. Правда, милый?

— Я прогуляюсь с Николаем. Принесём ваши вещи и деток. — Шота встал, обозначив, что он согласен со всем.

— Минутку. — Вспомнила мама что её бельё висит в помывочной на верёвочке.

Отвела папу в сторонку и сказала ему об этом.

А мой глаз приметил картину, на которой изображены молодые девушки. Одна из них, видимо уставшая, положив голову на колени другой, спит. Неспящая девушка играет на свирели. Мне представляется, что это я с мамочкой. Это я в неге от ласк сплю у неё на бедре, а мамочка убаюкивает меня своим голосом-свирелью.

— Необычная пастораль, да? — Галина заметила моё любопытство. — Когда мы с Шота были в Кутаиси, я заметила её в картинной галерее. Она напомнила мне о моей юности, когда мы с

подружкой бродили по Оренбургской степи.
— Увы, я никогда не бродила по степям. Даже не представляю себе такой простор. Мам, — окликнула я мамочку, которая о чём-то замечталась. — Иди к нам... Смотри. Это ты... , а это я. Я вспоминаю Омск. Тебя, Веру. И тот курьёз... Его то и напоминает мне эта пастораль. Как ты успокаивала меня.
— Какой курьёз?
— Вера, ты сама расскажешь? Или позволишь поведать мне то что я видела со своего ракурса?
— Я этого жду.
— Галь, давай на «ты»... ? Так мне удобней будет повествовать. В Омске мы гостили у одного замечательного мужчины. Он называет свою дочь Верой, хотя на самом... Это лишнее. Суть в том, что две Веры оказались любовницами. Их шалости дошли до того, что к столу они явились в платьях. Но без... белья под ним. Даниил предложил перед чаепитием, рассмотреть его коллекцию монет. Вот эта милая девушка, села на стул так, что подол платья задрался и её открывшуюся пещерку заметили мы. Даниил, я и Николай. Даня заметил первым. Он начал заикаться и... ну, ты поняла, что произошло с мужчиной, перед взором которого девушка выложила свой... клястер, так сказать. Только уже не для монеток, а для мужских органов. Когда я обратила внимание на такую красоту, то вначале подумала, что мне охота также сесть перед мужчиной и спокойно заголить свою прелесть. Я мгновенно возбудилась, как и Даниил между прочим... Хотя обратное было бы оскорблением с его стороны. Он заикается и меняет дыхание... Я бы вечно созерцала Верину пещерку и возбуждалась бы от дыхания Даниила...
— Что же стало? Почему прекратила созерцать?
— Наш папа, который тоже заметил нюанс, решил прервать такую... экспозицию.
— Так вот значит какие у современных девушек игры? Вера, а как же твои заявления о материнстве?
— Я буду мамой. Я буду женой маминому сыну, но я никогда не оставлю своего желания, иногда, не чаще раза в месяц, поцеловать понравившуюся мне девушку или женщину в губы... , в сосок... , окуну пальчик в её пещерку и оближу его. В ты, Галя, разве не целовала свою подружку... Вот эту, которая спит на твоей коленке? — Я показывала на фигуры, изображённые на пасторали. — Разве она только от путешествия устала?
— Да-а-а-а. — Словно тихий ветер перегнал засохшие листья клёна. — Целовала. А когда она уснула, потрогала её груди. У меня в ту пору железы были микроскопические, а у Лейлы уже крупные, вызывающие не только мою зависть... А, впрочем, это только игра... , так ею и осталась. Меня больше прельщали взрослые мужчины... и как только Шота предложил мне руку, я мгновенно согласилась. Мне восемнадцать, ему тридцать шесть. Мои родители всего на пять лет старше его... , вы, наверное, поняли, что произошло в отношениях с моими родителями?
— Не поняли. По крайней мере я.
— Верочка, ты молодая и не знаешь, как тяжко осознавать, что дитя, в которое они вложили душу, не подчиняется их мечтаниям. О моей учёбе, карьере... Только после рождения второго внука мама приняла мой брак с Шота.
Я окончательно поняла, что моя задумка склонить Галину к лесбийской игре, провалилась. Разве что мама применит свой опыт? Но...
Вернулись мужчины. Я занялась кормлением животных, затем поместила волчонка в

коробку, которую дала хозяйка. Старшие ещё разговаривали, а я пошла принять расслабляющую джакузи.
«Любимая, привет!». — Отсылаю СМС Вере.
«Пи-ли-ветик!»
«Уже скучаю)))»
«И я))) Где ты, любимая?»
«Остановились ночевать. Под Тюменью. Как твоё-моё горлышко?»
«Папа лечит отварами, морской солью. Гадость такая. А у тебя?»
«Больше страдаю от расставания с тобой и колокольчиками. Попроси Даню растереть тебя камфорным спиртом, пусть поближе посмотрит на перси. Мои любимые перси)))»
«Полчаса назад посмотрел))) Так возбудительно)))»
«Соски! Мои милые соски! Вы оцарапали ладонь Дани?»
«Нет! Мы ведь моралисты!!! Но дыхание его сбилось. И это хороший симптом)))»
«Я лежу в ванной. Мечтаю поласкать твою-мою девочку. Пустишь?»
«Папа дал снотворного. Могу уснуть)))»
«Спокойной ночи, любимая моя!»
«Спок!».
Когда через час вышла в гостиную, то старшие обсуждали варианты мотеля с отдельными номерами. Шота даже принёс типовые проекты, сказав, что мы можем забрать их и не платить архитекторам за составление проекта. Также он отдал нам чертежи нового кафетерия, которое уже скоро начнёт функционировать.
И тут я вспомнила, что мой телефон стоит на бесшумном режиме. Глянула. Переговорила с мужем.
— Ваш сын многожёнец? — Спросил Шота, сохранявший молчание, пока мы общались с Павлом.
Папа взглянул на маму… Я переадресовала папе. Молчание затянулось. Насколько открыть тайну? Озвучить полностью? Нет! Шота прекрасный семьянин, я не имею права ломать его психику откровением.
— За день до нашего отъезда в Омск я была единственной. К вечеру того дня, моя сестра Вероника, заявила, что также любит Павла. Она призналась в этом, глядя нам четверым в глаза и слёзно молила разрешить ей всего лишь зачать от моего супруга. Мы все друг друга любим! Как отказать любящему тебя человеку? Я согласилась. Хотя Павел был вначале против. Но мамочкины убеждения сломили его. Когда мы с ними общались из Омска, то ни о каком ските и тем более дополнительных жёнах не слышали.
— Но мой сын очень добрый мальчик… , для меня мальчик. Поэтому принял сирот под своё покровительство… Всего лишь… Поэтому я спросила о их состоянии на данный момент. Приедем, решим. Возможно поступим как он подсознательно решил — где две жены, там и ещё парочке хватит любви. Вы осуждаете? Сильно?
— Нет. Мы с Галочкой не осуждаем вас. Я знаком с историей Востока и понимаю традицию создания полигамных семей. Если мужчина способен прокормить свой гарем, почему бы не приютить сироток?
— Тем более если они воспитаны как Маугли, в дикой семье. — Галина, положив ладонь на предплечье мужа, продолжила поддержку его слов. — Куда они пойдут? Помрут ведь с голода… ?! Пусть даже не помрут. Возможно они уже умеют выживать в ските…

— Но они не должны оставаться старыми девами! — Продолжил Шота, когда Галя решила промочить горло, выпив капельку вина. — Конечно им может встретиться достойный мужчина... Но это только — ВОЗМОЖНО! А если вы, Зина, и вы, Вера, будете любить их как своих дочерей и сестёр, то их жизни можно будет только позавидовать.

— Я предлагаю тост! — Галина ещё не опустила бокал. — Давайте выпьем за здоровье Зины, Веры, Коли и за потенцию Павла. Ведь здоровье без неё — пшик.

— Я бы сказал за МУЖСКОЕ здоровье Павла. Пусть ваш муж, Вера, дарует женскую радость вам и вашим товаркам.

Тосты прекрасные. Так почему бы не выпить? Выпиваю четверть бокала, смотрю как общаются старшие. Представляю себя старшей среди сирот из скита.

Мне это надо хорошенько обмозговать! Кем быть для них? Мегерой, третирующей их за малейшие провинности и излишнюю ласку к Павлу? Подружкой, с которой они смогут поделиться горем-радостью? Любовницей? Примет ли их воспитание мою любовь к девичьим сладостям? К девственным сладостям!

Как удивительно! Я только пару часов назад, мысленно корила Верочку за порочность её плевы и тут появляются ДВЕ девственницы!

Судьба! Я благодарю тебя!

— Леди и господа! Прошу простить, но я засыпаю. Позвольте пожелать вам спокойной ночи.

Мне такого же желают. Галина ещё раз показывает спальную, в которой мне предстоит спать. Морфей рассыпал над моим лицом волшебный порошок, и я мгновенно засыпаю.

Перед пробуждением вижу Павла, наказывающего девушке слушаться меня, призывающего не пугаться моих ласк. Подтверждая его слова, целую девочку в губы. Она ахает, краснеет. Девственница. Девочка отвечает мне таким же действием. Затем хихикая целует мои перси. Я отвечаю тем же. Сиротка, сиротка, а груди у неё замечательные. Тяжёлые, упруго-горячие. Крупные соски подобны напряжённому фалдусу. Трубочка моего языка обволакивает сосок, добывает молоко. Молоко! Но это же во сне! Пью такую дивную жидкость.

Девочка пытается сотворить с моей грудью подобное, но моя грудь ещё не кормила ребёнка. А как получилось, что девственница кормила? Просыпаюсь!

— Тихо, доченька, тихо. Это я, мама. — Ласковый шёпот в самой ушной раковине. — Моя ты сладенькая. Моя Лейлочка! Я так давно тебя ждала.

Шёпот перемещается на шею. На грудь. Всё хорошо, замечательно! Но почему так явственно ощущается привкус молока на языке и щеках? Неужто она сначала меня напоила молоком? Своим! Лактация вполне возможна! Тем более, что её младшему всего шесть лет! А не в этом ли причина нравоучений Шоты? Может она до сих пор кормит мальчика?

Кормление Павла нравилось Зине. Значит Галине этот процесс нравится гораздо сильнее! До оргазмического состояния?!

Галя опускается ниже... ниже... Нет! Моя подошва не эрогенная зона! Но почему я трясусь как в экстазе? В мега! квази! экстазе.

Я НЕ ДОПИЛА ГРУДНОГО МОЛОКА В ДЕТСТВЕ!!! Галочка, милая, дай дочери женского молочка!

Вырываюсь из объятий руками, припадаю к соску. Нежно пеленаю его языком и губами. Так же нежно создаю вакуум. НЕКТАР брызнул как струя из артезианской скважины. Чуть придавливаю железу пальчиками, массажирую её снизу.

Естественный процесс усыпляет меня. Галину. Она начинает похрапывать. Этим будит меня.

Эта грудь пуста. Начинаю опорожнять вторую. Женщина поглаживает меня по волосам, что-то напевает. Я засыпаю.

Просыпаюсь от шёпота от двери.

— Галочка, хватит. Ребёнок уже напился. — Голос кавказца с лёгким акцентом, окончательно возвращает меня к реальности. Притворяюсь спящей, когда Галя целует меня в лобик и уходит с мужем.

Им срочно нужна дочка! Только дочка спасёт эту семью от психоза. Ведь Шота знает о болезненном желании Галины освободить грудь от лактозы. Возможно он сам сцеживал молоко или она пользуется цедильником, который снижает давление физически, но чаще это был кто-то из детей, ведь только нежное посасывание младенца, приносит духовное расслабление. А Шота любит супругу и не хочет вредить ей угрозами расправы, допускает кормление младшего грудью. Но вечно так продолжаться не может.

А дочь, которую она называет как свою подружку — Лейлой, разрушит подсознательную связь Галины и Лейлы.

Рассказать ли об этом мамочке? Она мне роднее и ближе чем Шота и Галина. Расскажу. А пока спать.

Утро встречаю бодро, будто и не было ничего ночью. Возможно это иммунные компоненты женского молока так на меня действуют. Весело щебечу с хозяевами и родителями, спокойно выдерживаю изучающие меня взгляды супругов Вашакидзе.

Папа в готовности встать и отдать концы. Мама велит ему успокоиться, доесть завтрак.

— Друзья, умоляю вас, останьтесь ещё на сутки. Я заказал мяса ягнёнка. Сдэлаю такой шашлык! Вах! Ви никогда такова нэ ели! — Экспрессия ослабила центр речи — Шота стал произносить слова с сильным акцентом. — Откупорю вино из своего родового поместья. Пятьдесят лет видержки!

Папа смотрит на маму...

— Никогда не ела настоящий грузинский шашлык. И ради шпажки ягнятины и бокала вина, я остаюсь. Вы езжайте без меня. — Соглашаюсь я.

Я что-то предчувствую. И это «что-то» будет положительным, если в нём буду учувствовать я. Или отрицательным без меня.

— Но! — Этим необдуманным «но», слегка пугаю супругов. — Мне надоела моя одежда, взамен которой я ничего не взяла.

— Верочка! Мы сейчас съездим в город, купим вам всё что пожелаете.

— Не надо ехать никуда. Ты забыла про одежду Вериной матери? Но в тех сумках вряд ли найдутся вещи для меня.

— К чёрту обноски! — Уже веселясь кричит мужчина. — Накормите зверяток и поехали в город. Галочка, ты едешь с нами. Я тебе тоже сделаю подарок.

Вновь чувствую себя ребёнком. Вскрикивая «УРА!» кружу Галину, взяв её как дитя, маму. Она также хохочет, вертится вместе со мной, целует супруга.

Папа говорит, что следовало вчера выпить водки, на что Шота парирует:

— Лучше грузинской чачи ничего нет!!! Коньяк-шманьяк, виски-писки, водка-потка — всё это не для шашлыка! Коля, родной мой! Девушки будут пить вино, которое поставил мой дед, когда родился я. Я выгнал свою первую чачу в двадцать лет. Сегодня откроем бутылку из моего первого продукта.

С мамой я спускаюсь в гараж, куда отнесли коробки с нашими подопечными. Выносим их на

газон у дома, производим чистку коробок. Зверьё лакает молоко, как и положено детям. Боясь, что мою речь могут услышать хозяева, приглашаю маму осмотреть двор за домом. Волчонок бежит за нами, котята за ним.

Присев на качали, рассказываю родной о случившемся ночью. Объясняю своё желание оказать посильную помощь замечательным людям.

— Возможно в детстве Галины был какой-то случай, наложивший такой отпечаток на её судьбу. И ты правильно поступила, приняв такое решение. Один день задержки ничего по сравнению с жизнью шести человек живущих в этом доме. С уверенностью могу сказать, что у тебя с Галиной всё опять повторится. А завтра приедут мальчики. Младший высосет молоко... Да! Ты права, доченька — им нужна девочка! Не то у мальчика тоже случится психоз, и как по цепочке у всей семьи.

— Сегодня же надо пригласить их к себе. Любимая мамочка! Я тоже хочу почувствовать радость кормления младенца. Разреши мне родить!

— Хорошо, любимая доченька, рожай. Как-нибудь выкрутимся.